

На Пике Тяньтай было множество редких цветов и растений, и Чжун Минчжу даже посадила большой участок в Обители Чунмин. Чан Ли даже училась искусству икебаны, но она сказала: «Я никогда их не видела». А первым цветком, который привлек внимание бессмертной Чан Ли, оказался маленький дикий цветок.

Чжун Минчжу почесала нос, и на её лице мелькнула смесь недоумения и улыбки. Она присела рядом с Чан Ли и тоже стала рассматривать цветок, потом мягко улыбнулась:

— Это горлянка.

— Горлянка, — повторила Чан Ли. — Это трава? Я думала, это цветок.

— На самом деле это листья под цветком. Их используют в медицине для лечения воспаления горла, отсюда и название, — Чжун Минчжу аккуратно поддержала листья снизу. — Это обычный сорняк, который редко замечают, когда он цветёт.

— Понятно.

Чжун Минчжу добавила:

— Его ещё называют травой медной монеты, белым цветком и так далее, но если говорить именно об этом цветке, мне больше нравится название «пять облаков».

— Пять облаков, лепестки действительно похожи на облака, — задумчиво сказала Чан Ли, глядя на пять белых лепестков, и в её глазах появилось лёгкое замешательство. — На Пике Тяньтай они тоже должны быть.

Но когда она была на Пике Тяньтай, она никогда не замечала, что там есть цветы, или, скорее, всё остальное, включая деревья, травы, воду и камни, она тоже не замечала.

Живя бок о бок, она должна была давно изучить каждый уголок.

Чан Ли почувствовала, что что-то изменилось. Может быть, с тех пор, как она покинула логово демонов, может быть, с тех пор, как вспомнила звёздное небо детства, а может быть, ещё раньше. Она увидела, как луна садится, а звёзды скрываются, услышала пение птиц и стрекотание насекомых, почувствовала сладкий и свежий аромат утренней росы. В мире, казалось, внезапно появилось так много всего. Этот мир был полон цветов, звуков, она даже могла вспомнить выражения лиц людей, которых видела, когда Чжун Минчжу водила её по Городу Цзяоя, удивление или радость, всё было запечатлено.

Каждый миг в её сознание врываются яркие образы, некоторые она видела впервые, другие были знакомы, но раньше она их не замечала, всё смешалось, создавая хаос и шум.

С тех пор как она вернулась в Цзяоя, она не могла нормально практиковаться. Каждый раз, когда она пыталась медитировать, как раньше, её отвлекали различные звуки, и она невольно начинала думать: ветка, тянущаяся к окну, выпустила несколько новых листьев, а старые листья, падая, могут попасть внутрь, жёлтые листья, освещённые солнцем, становятся ярко-золотыми.

У неё появились отвлекающие мысли.

Она спросила Му Даньсиня и Лун Тяньли, но они посоветовали ей не спешить и обсудить всё по возвращении в школу.

— Что случилось?

Она услышала вопрос Чжун Минчжу, повернулась и встретилась с её взглядом. Светлые глаза легко отражали утренний свет, словно в них текла светящаяся река.

Это она тоже видела впервые, подумала она.

Почему раньше она этого не замечала? Замешательство в её глазах усилилось.

— В последнее время, когда я медитирую, у меня часто появляются отвлекающие мысли, — она не стала скрывать.

Чжун Минчжу приподняла бровь:

— Отвлекающие мысли?

— Звук ветра, дождя, рассеивающиеся облака, восходящая луна... — Чан Ли опустила глаза и перечислила всё, что видела и слышала в последнее время. — Иногда, когда я медитирую, мне кажется, что прошло много времени, но когда я заканчиваю, оказывается, что прошло всего один или два часа.

Раньше годы пролетали мгновенно, а теперь мгновение кажется вечностью.

— Разве это плохо? — засмеялась Чжун Минчжу. — Замечать всё это гораздо лучше, чем быть слепой или глухой. Кроме того, всё это прекрасно, и даже те, кто не слепы и не глухи, не всегда могут это увидеть или услышать.

— Но это мешает практике. Наставник говорил, что в практике нужно избавляться от отвлекающих мыслей и не поддаваться влиянию внешнего мира.

Как говорится, видеть, но не видеть, слышать, но не слышать.

Чжун Минчжу улыбнулась, встала, но сменила тему:

— Кстати, я слышала, что чем выше уровень культиватора, тем больше он зависит от «удачи» для дальнейшего продвижения. Это так?

— Да, без удачи и необычных событий преобразование духа — это предел.

— Тогда наставник знает, что такое удача? — спросила Чжун Минчжу.

Чан Ли подумала и ответила:

— Это редкие сокровища, благословенные места, древние руины и тому подобное. Получив одно из них, можно надеяться на прорыв.

— А как насчёт Моря Сюйми? Это удача?

— Да.

Истинный человек Шуйцзин сотни лет находился в тупике на этапе прозрения пустоты, но через несколько дней после небесного знамения на Горе Цзюнин он вознёсся. Если это не удача, то что тогда удача?

— Но позже были те, кто постиг что-то в Море Сюйми? Там духовная энергия намного обильнее, чем в окружающем мире, но те, кто стремился туда, всего лишь немного повысили своё мастерство. Сколько культиваторов достигли этапа прозрения пустоты за последние две тысячи лет?

Чан Ли подумала и ответила:

— Никто.

Чжун Минчжу прошла туда-сюда и продолжила:

— В книгах часто упоминается, что в определённый год и день кто-то увидел необычное явление и почувствовал вдохновение. Я думаю, что это «вдохновение» и есть суть удачи. Практика и постижение пути заключаются в «практике» и «постижении». Если ты не видишь и не слышишь, как ты можешь что-то постичь? Кроме того, ты очень талантлива, твоя практика эффективна, и тебе не нужно, как некоторым посредственным культиваторам, изнурять себя ради крошечного прогресса.

Она взглянула на Чан Ли, её лицо сияло уверенной улыбкой, и добавила:

— Когда внук Императора Хаотянь умирал потоп, он сказал, что блокировка — это худший способ, а отвод — лучший. Отказ от внешнего мира — это блокировка, а принятие всего мира — это отвод. Мёртвые не видят и не слышат, и, кроме того, чтобы достичь Дао, мёртвые сначала должны стать живыми. Ты родилась человеком, зачем тебе подражать мёртвым.

Чан Ли почувствовала, что Чжун Минчжу внезапно изменилась, даже её наставник никогда не производил на неё такого впечатления. Она увидела узоры на подоле платья Чжун Минчжу и на спине, похожие на пламя, и ей показалось, что сама Чжун Минчжу — это огонь.

Свободная, дерзкая, ничего не боящаяся, но всё знающая и всё могущая.

Но, подумав, она поняла, что Чжун Минчжу всегда была такой, как и тогда, когда убедила её попробовать что-то кроме меча, только тогда это было ради прорыва, а теперь — просто так.

Не ради чего-то, просто так.

— Ты... — она заколебалась. — Ты предлагаешь мне принять весь мир?

— Я имею в виду, — Чжун Минчжу вернулась к ней, присела и улыбнулась, глядя на маленький цветок. — Ветер, дождь, цветы, луна и так далее — всё это существует в этом мире, это не отвлекающие мысли. Такой красивый цветок, как можно назвать его отвлекающей мыслью? Ты смотришь на него так долго, разве не потому, что он тебе нравится?

Нравится? Ей действительно казалось, что этот маленький цветок красив, и она смотрела на него так долго, не замечая времени. Значит, ей он нравится.

Чан Ли кивнула, потом замолчала, словно серьёзно обдумывая её слова, и наконец мягко сказала:

— Кажется, я что-то понимаю, но всё ещё не до конца. В последнее время я часто чувствую странные вещи.

Её голос был тихим, как вздох, и через мгновение она с любопытством спросила:

— Откуда ты всё это знаешь? Я не учила тебя этим философским рассуждениям о пути, и кто такой внук Императора Хаотянь?

— Может быть, потому что я люблю этот мир и предпочитаю исторические хроники и романы, а не классические тексты, — улыбнулась Чжун Минчжу, гордость читалась в её голосе. — Внук Императора Хаотянь звался Вэнь Мин, он был древним богом. На Равнинах Шоюань есть маленькое ледяное озеро, называемое Воды Фаньтянь, из которого когда-то непрерывно текла вода, затопившая большую часть мира. Боги перенесли туда десятки гор, чтобы окружить Воды Фаньтянь, но если оставалась хоть одна щель, вода вырывалась наружу. Потом Вэнь Мин прорубил горы и открыл каналы, чтобы направить воду в четыре моря, и только тогда потоп был усмирён.

— Это правда? — спросила Чан Ли. — Я слышала только о том, как Император Хаотянь создал три мира.

— Это было сотни тысяч лет назад, в начале мира, полуправда, полувывмысел, — улыбнулась Чжун Минчжу. — Если это правда, то Вэнь Мин — предок Хаотяня, а Гора Хэсю стала центром восьми сторон света после того, как потоп был усмирён.

Чан Ли сказала:

— Гора Хэсю — это то место, куда отправились дядя и старший брат Юнь?

— Да, вероятно, это что-то важное, — сказала Чжун Минчжу.

Если бы Чан Ли посмотрела на неё в этот момент, она бы заметила, что её улыбка стала холоднее.

В этот момент к ним подошёл ученик и передал послание от Чэн Сюня.

<http://bllate.org/book/16292/1469014>